

Свобода-в-Мире

Бетев А.Н.

Проблема *свободы человека* может сразу поставить в тупик своей трудноразрешимостью в силу двойственности характера человеческой активности, с которой она, с одной стороны, сопряжена, но которая вместе с тем всегда определяется некоторой необходимостью. Действие человека признаётся одновременно свободным – и в этом смысле определяющим его особую роль в мире, – и необходимым, то есть отмеченным печатью некоего *объективного*, космического или социального, порядка.

Как только мы задаёмся вопросом “что такое свобода человека”, и пытаемся его решить, тут же упираемся в неизбежную ограниченность человеческого существования. Ограниченность в пространстве, когда его тело подвержено прямому сдерживающему, препятствующему, воздействию и давлению разного рода границ и пределов: естественно-географических – в форме рек, гор, природных стихий, вроде ураганов, наводнений, землетрясений, и прочих “капризов”; архитектурных, социально-культурных, то есть предписывающих телу определённые формы осуществления в рамках соответствующего социально-культурного порядка, и т.д. Ограниченность во времени в силу его смертности и в соответствии с естественной космической и биологической, *календарной*, ритмикой, а также с процессуальным, длящимся, характером социальной организации. Помимо этого, человек ограничен множеством символических порядков, определяющих его сознательную или чувственную жизнь, и как следствие, практическую реализацию её в некоторой *осязаемой*, социально значимой форме.

Таким образом, свобода не может быть бесконечной, ибо это всегда свобода *конечного человека*, который задаёт ей границы уже самим своим зависимым от разных условий существованием в качестве субъекта *долга* и *необходимости*. Потому неизбежным следствием этого является *компромиссность* любого исследования, посвящённого ей. Так или иначе она превращается в некий дискурсивно заданный и организованный, а потому *ограниченный*, концепт, который и определяет её характер в соответствующем контексте. Свобода есть величина социально обусловленная и социально сконструированная, а потому её осмысление также опосредовано определёнными историческими и культурными условиями.

Действительно, решая проблему свободы, невозможно отстраниться от изначальной обусловленности человеческого бытия как социальными, так и естественными обстоятельствами, которым индивид подвластен, с которыми он считается, с которыми согласует свои желания, чувства, мысли, цели и т.д. и которые формируют не просто некий системный порядок бытия, подчиняющий себе индивидов, контролирующий, *надзирающий* за их деятельностью и *наказывающий* за отклонение от заданной схемы, но создают *Мир совместно бытующих людей*, которых объединяет нечто большее и иное, чем какая-то внешняя посторонняя сила, заставляющая их, *против их собственной воли*,

существовать в-месте. Как мне представляется в этом отношении, не вполне корректно увязывать свободу исключительно с определённой эпохой, цивилизацией и типом социальных связей. Исторические памятники самых разных культур и эпох свидетельствуют о том, что для каждой из них характерно не просто определять *свою* свободу, но ставить вопрос о ней и проблематизировать её в контексте тех ограничений, опасностей и препятствий, с которыми люди сталкиваются на пути осуществления стоящих перед ними целей и задач, в контексте *их* мира, не только сдерживающего человека, но и открывающего перед ним какие-то свои возможности и тайны, мира, по-своему открытого, осмысленного и прочувствованного, не только пугающего, но и притягивающего, с которым человек связывает *все* свои желания и надежды. И исходя из этого, было бы также ошибочно связывать свободу исключительно с человеческой индивидуальностью, с её особым, независимым, над-или-внесоциальным статусом, и соответственно понимать историю как целенаправленный, последовательный процесс высвобождения человека, а европейскую* современность толковать как “конец истории”, как то состояние, в котором он, человек, достиг предельной свободы и независимости.

Связь, существующая между *свободой* человека и границами *необходимого*, в которые он помещён, не является откровением. Но проблема сейчас заключается не в том, чтобы в очередной раз указать на эту связь и оживить её, а, скорее, в том, чтобы понять различающийся в пространстве и времени, подвижный, изменчивый, лишённый постоянства, характер этих границ, в которых соответственно всякий раз оформляется свой образ свободы. Мы не можем говорить о свободе как некой постоянной величине, если признаём изменчивость подчиняющих условий бытия, а также дискурса, тем или иным образом определяющего, осмысляющего и оправдывающего существование человека. А если у нас нет твёрдой уверенности в том, что история развивается по незыблемым, непреложным, *разумным, а потому неизбежным* законам, так что это развитие носит строго заданный линейный характер “от простого к сложному”, “от первобытного к современному”, “от неразумного к разумному” и т.д., то не может быть и речи о том, чтобы столь же односложно-линейно и достаточно высокомерно понимать развитие свободы, как, например, движение “от рабства к свободе”, “от стадности к индивидуальности”, “от меньшей свободы к большей” или “от свободы для одного или некоторых к свободе для всех”.

В этом нет попытки отрицать сам факт исторического развития, определённое движение от одного состояния к другому, равно как отрицать факт преемственности, когда некий сложившийся порядок в той или иной степени сохраняется и воспроизводится в новых условиях. Другое дело, что нельзя этот процесс истолковывать упрощённо, *тотально-универсально* и *линейно-эволюционно*. Современная философия, начиная с Ф. Ницше достаточно аргументированно разоблачает многие подобные упрощённые тенденции в историческом знании и указывает, в частности, на то, что

---

* Европейскую, конечно же, не в географическом, но в *цивилизационном* смысле.

исторически власть над человеком не столько ослабевает, сколько становится более изощрённой и сложной. Человек, освобождаясь от одного типа зависимостей впадает в череду новых, зачастую менее явных, но более действенных. Именно поэтому изучение проблемы свободы требует **топологически конкретной** привязки.

Человек осознаёт себя в своём бытии как часть некоего пространства, живого, телесного, где в то же время могут обитать и духи, и боги, и люди, и животные, свои и чужие; это пространство может открывать и таить, подвергать и оберегать, порождать и убивать, сохранять и утрачивать, – каким бы оно ни было, оно всегда значимо и наполнено живыми смыслами и силами, явными или сокрытыми, *насущно* воздействующими на человека. Занимаясь социально-философским, топологическим, исследованием важно отойти от пространства как объективного *вместилища* людей, развивающегося в соответствии с законами механики, и необходимо прийти к совместному Миру, в котором человек через другое открывает своё и себя. Понимание своих сил, возможностей, способностей, перспектив, а значит и свободы, в свете трудностей, препятствий и различных лишений сопряжено с пониманием своего *места* в мире. И никто не может осмыслять, чувствовать и осязать это место более *адекватно* и *объективно*, нежели сам **со-в-мещённый** индивид.

Принимая во внимание факт разности культурно-исторических условий, в ходе любых социальных исследований так важно понимать не только общую логику социального развития, которая, может быть, действительно распространяется на всех, но учитывать частности, выступающие порой едва ли не как решающие факторы в складывании тех или иных форм социальности. Так, всякая культура, социальная система, локализуется в конкретном, географическом, жизненном пространстве, формирующем свой тип телесности как результат определённых адаптивных, передающихся из поколения в поколение, то есть воспроизводимых, практик и техник, необходимых для выживания социального целого в данной среде. А это неминуемо требует частно-пространственного подхода к проблеме свободы.

Следует отказаться от единых матриц и образцов “разумности” и “свободности”, по которым меряют весь мир в его сложном, многообразном физическом, культурном и историческом бытии. Люди **по-разному** реализуют себя в различных пространствах, и потому не может быть единой мерки свободы. Эта проблема слишком сложна, чтобы решить её одним махом. С определённой уверенностью можно утверждать лишь одно: не может быть свободным *тот*, кто не способен реализовывать себя в *своём* мире, и не может быть **несвободным** тот мир, в котором человек живёт, действует, борется, мыслит, чувствует, стремится и надеется.